

36442

В. Д. МЕЛИХОВЪ.

С. В. СОЛОВЬЕВЪ,

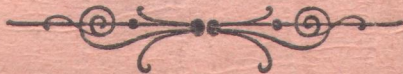
ПРОФЕССОРЪ

Императорскаго Харьковскаго Университета.

(НЕКРОЛОГЪ).

1862—1913.

Цена
15 коп.

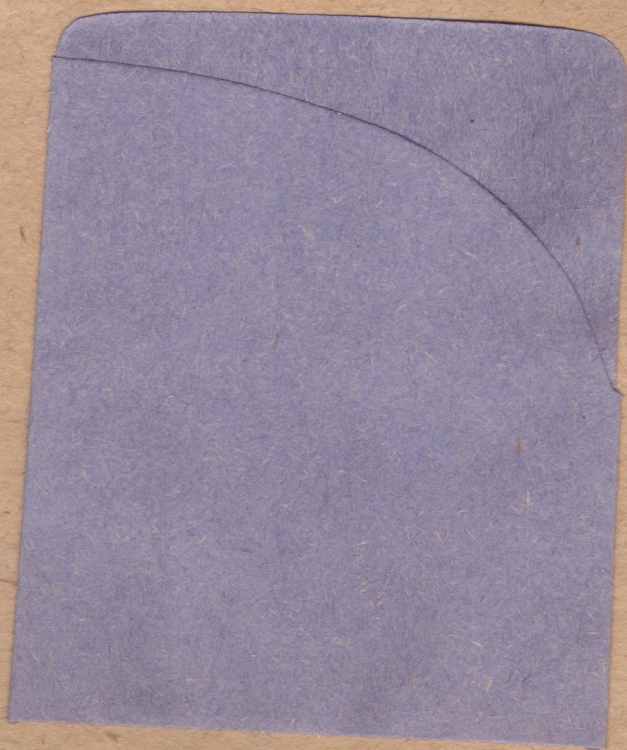

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дзвинская улица, д. № 14-й.
1913.

~~248(2/7119)~~
248.4/44119) 2083

36472

В. Д. МЕЛИХОВЪ.

С. В. СОЛОВЬЕВЪ,

ПРОФЕССОРЪ

Императорскаго Харьковскаго Университета.

(НЕКРОЛОГЪ).

1862—1913.

576

✓ 45

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья улица, д. № 14-й.
1913.

58 66 99 08

Центральная Библиотека
Харьковского университета
Инв. №

В. А. КОЛЛЕКТОР

В. А. КОЛЛЕКТОР

ПРОБЛЕМЫ

ПРОБЛЕМЫ

(ПРОБЛЕМЫ)

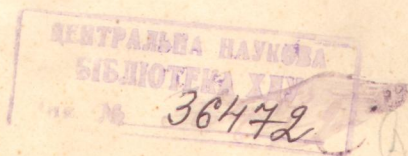
1862—1863

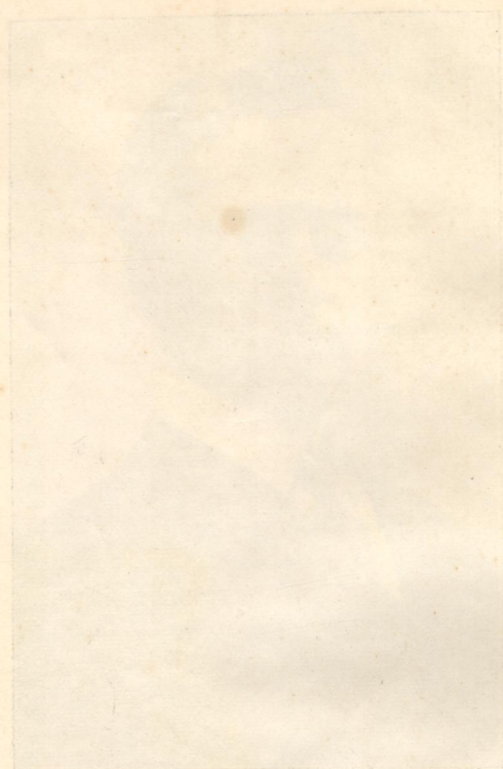
88
89
90
91
92

ПРОФЕССОРЪ
Сергѣй Викторовичъ
СОЛОВЬЕВЪ.

† 4-го апрѣля 1913 года.

LIBRARY
OF THE
BIBLIOTHEQUE
NATIONALE
DE FRANCE
PARIS

С. В. СОЛОВЬЕВЪ,
профессоръ Императорскаго Харьковскаго Университета ¹⁾.
(НЕКРОЛОГЪ).

1862—1913.

„Не вы Мене избрасте, но Азъ избрахъ васъ и положихъ васъ, да вы идете и плодъ принесете, и плодъ вашъ пребудетъ“.

Ев. Иоан. XV, 16.

Харьковскій университетъ понесъ еще одну тяжелую, невозвратимую утрату.

4-го сего апрѣля скоропостижно скончался Сергѣй Викторовичъ Соловьевъ, одинъ изъ лучшихъ профессоровъ нашего историко-филологическаго факультета.

„Ушелъ въ лучшій міръ человекъ, никому никогда въ жизни не сдѣлавшій зла, человекъ, не имѣвшій личныхъ враговъ, побѣждавшій всякое предубѣжденіе своей чарующей добротой, мягкой отзывчивостью, безпредѣльной готовностью всѣмъ помочь, всѣмъ посильно облегчить бремя жизни“...

¹⁾ См. *Историко-филологическій факультетъ харьковскаго университета за первыя 100 лѣтъ его существованія (1805—1905)*. Подъ редакц. М. Г. Халанскаго и Д. И. Багалѣя. Х. 1908.—*Денисовъ, Я. А.* Празднованіе 25-лѣтняго юбилея проф. С. В. Соловьева. Х. 1912.—*Вязигинъ, А. С.* Проф. С. В. Соловьевъ. По поводу XXV-лѣтія его научно-педагогической дѣятельности. „Мирн. Трудъ“ 1912 г., кн. 1.—*Вязигинъ, А. С.* Памяти С. В. Соловьева, „Харьк. Вѣд.“ 1913 г. отъ 7 апр. № 1250. *Сумцовъ Н. О.* † С. В. Соловьевъ, „Южн. Край“ 1913 г. отъ 6-го апр. № 11344.

Покойный принадлежалъ къ числу тѣхъ мирныхъ тружениковъ, которыми въ правѣ гордиться любой университетъ, ибо болѣе четверти вѣка напряженной работы онъ посвятилъ не только научнымъ изысканіямъ, но и передачѣ добытыхъ познаній студентамъ.

„Вся его жизнь была чиста, ясна, полна самоотреченія и горячей любви къ людямъ и наукѣ. Чудный это былъ человѣкъ! Джентльменъ до мозга костей, высокообразованный, нѣжный сынъ, прекрасный товарищъ, безукоризненно чистая, благородная душа. Его душевный міръ всегда былъ міромъ прекраснаго, чистаго и добраго. Невольно возникаетъ вопросъ, гдѣ и какъ могла вырасти эта натура, чудная по нравственной чистотѣ и благородству характера, въ наше время разныхъ недоброкачественныхъ наслоеній? Гдѣ и какъ устоялъ этотъ пожилой холостякъ въ своихъ лучшихъ помыслахъ и чистыхъ настроеніяхъ?“

I.

Покойный профессоръ родился 15-го іюня 1862 г. въ родовомъ имѣніи Новомосковского уѣзда, Екатеринославской губ. Отецъ его, врачъ по образованію, служилъ по выборамъ въ теченіе двадцати семи лѣтъ со времени введенія судебныхъ уставовъ Императора Александра II; былъ мировымъ судьей „перваго призыва“ и предсѣдателемъ сѣзда мировыхъ судей. Мать была умной, образованной женщиной, любила музыку. Братъ С. В., Алексѣй, скончавшійся въ 1891 г., писалъ стихи и готовился къ профессурѣ по философіи. Дѣтство до 13-лѣтняго возраста С. В. провелъ въ деревнѣ, гдѣ, подъ руководствомъ родителей, получилъ первоначальное широко поставленное образованіе. На его долю выпало рѣдкое счастье — вырасти въ высоко-культурной, образованной, христіанской семьѣ, сумѣвшей воспитать вѣрующаго человѣка, воспріявшаго лучшіе завѣты настоящихъ интеллигентовъ...

Въ 1875 г. родители С. В. опредѣляютъ сына въ 3-й классъ Харьковской третьей гимназіи, считавшейся въ тѣ времена лучшей. Знакомясь здѣсь съ элементами греческой драмы, съ Софокломъ и Фукидидомъ на урокахъ опытнаго преподавателя А. Г. Левандовскаго, восхищаясь богатѣй-

шими комментаріями къ Виргилію, Горацію и Овидію на урокахъ нынѣшняго проф. И. В. Нетушила, читая Буслаева и Грановскаго, статьи объ „Исторической подготовкѣ“ М. Н. Петрова, С. В. все болѣе стремился къ историко-филологическому факультету, симпатіи къ которому зарождались въ немъ еще въ старой усадьбѣ, въ родительскомъ домѣ.

Въ 1881 г. С. В. окончилъ гимназію съ серебряной медалью. Въ томъ же году онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ на историческое отдѣленіе историко-филологическаго факультета, блиставшаго тогда рядомъ выдающихся ученыхъ силъ. Съ глубокой любовью вспоминалъ впослѣдствіи С. В. свои студенческіе годы: „Насталъ желанный моментъ: я въ университетѣ, въ святилищѣ... вижу профессоровъ, являющихся для меня пророками... Вхожу въ аудиторію № 2 и слышу первое слово моего незабвеннаго учителя, А. И. Кирпичникова, читающаго исторію провансальской лирики, а затѣмъ новую литературу, выбирающаго въ ней наиболѣе крупныхъ представителей западно-европейской мысли, съ особенной любовью останавливающагося на проповѣдникахъ гуманности и милосердія. А. А. Потебня читаетъ введеніе въ русскую грамматику, а затѣмъ теорію поэзіи, знакомя съ Пушкинымъ и Тютчевымъ, Гете и Шекспиромъ, съ русскою сказкою и малорусскою пѣснью... М. Н. Петровъ рисуетъ картины изъ исторіи древняго и новаго міра; В. К. Надлеръ въ специальныхъ курсахъ въ деталяхъ освѣщаетъ эпоху крестовыхъ походовъ, время Наполеона I, эпоху Меттерниха... Г. Θ. Шульцъ вводитъ въ совершенно новую область—конъектуральной критики и требуетъ необыкновенно точнаго перевода Еврипида“...

„У себя на дому Θ. А. Зеленогорскій раскрываетъ предо мною свою богатую эрудицію по исторіи греческой и англійской философіи и старается увлечь меня въ моихъ будущихъ работахъ по тому пути, который указалъ Геттнеръ. На старшихъ курсахъ М. С. Дриновъ освѣщаетъ богатое прошлое малознакомаго мнѣ славянскаго міра. А. С. Лебедевъ вводитъ въ первые вѣка христіанства, затѣмъ знакомитъ съ тюбингенской школой. Молодой историкъ Д. И. Багалъй, читая древній періодъ русской исторіи, вводитъ попутно и въ русскую исторіографію, знакомитъ съ архивами полу-деннаго края Россіи. А юный профессоръ, мой дорогой учи-

тель, Н. Θ. Сумцовъ, раскрываетъ предо мною совершенно невѣдомые уголки въ исторіи русской литературы; въ теченіе цѣлаго года въ аудиторіи № 1 читаетъ о Пушкинѣ у небольшого столика, попутно дѣлая экскурсы, являющіеся для меня энциклопедіей фолклора; наконецъ, Н. Θ. раскрываетъ предо мною свой богатѣйшій фольклористическій кладезь, изъ котораго я черпаю указанія на легенды и пѣсни востока и запада, русскія сказки, малорусскія думы... Вотъ чѣмъ я обязанъ родному университету! Вотъ то богатство, которое я отъ него получилъ“.

Болѣе всѣхъ увлекался С. В. лекціями проф. А. И. Кирпичникова, подъ руководствомъ котораго онъ началъ особенно заниматься исторіей всеобщей литературы. Между прочимъ, онъ составлялъ курсы А. И. Кирпичникова по исторіи средневѣковыхъ литературъ и итальянскаго Возрожденія¹⁾. Древними германскими и романскими нарѣчіями занимался самостоятельно. Наибольшее вліяніе имѣли на него профессора А. И. Кирпичниковъ и А. А. Потебня, С. В. проходилъ также и курсъ юридическихъ наукъ, и съ благодарностью вспоминалъ о своихъ учителяхъ—А. Н. Стояновъ, И. П. Сокальскомъ, Г. М. Цѣхановецкомъ, К. К. Гаттенбергеръ, Л. Н. Загурскомъ и др.

Окончивъ университетскій курсъ въ 1885 г., С. В. представилъ кандидатское сочиненіе на тему „*Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ и его Парциваль*“.

Въ виду освобожденія должности лектора французскаго языка въ харьк. университетѣ, С. В., по настоятельнымъ совѣтамъ проф. Кирпичникова, сталъ заниматься теоріей и исторіей французскаго языка съ цѣлью принять участіе въ состязаніи на эту должность. Отъ соискателей требовалась, кромѣ программы, еще письменная работа, относящаяся къ исторіи французскаго языка. По мнѣнію проф. Кирпичникова, лектура являлась хорошей подготовкой для будущаго преподавателя исторіи всеобщей литературы. Къ научнымъ занятіямъ французскимъ языкомъ поощрялъ С. В. и А. А. Потебня, всегда мечтавшій о сравненіи университетскаго преподаванія новыхъ языковъ съ преподаваніемъ другихъ

¹⁾ Эти курсы напечатаны во „Всеобщей исторіи“ литературы Θ. Е. Корша.

факультетскихъ предметовъ и требовавшій отъ лектора особой филологической подготовки.

По выдержаніи въ 1886 г. экзамена на званіе учителя французскаго языка при канцеляріи попечителя Одесскаго округа, С. В. представилъ въ историко-филологическій факультетъ харьковскаго университета двѣ работы: „*Les éléments du français*“ и „*Les premiers monuments de la langue française*“. Кромѣ того имъ были прочитаны въ присутствіи факультета двѣ лекціи, изъ нихъ одна по собственному выбору, другая — по назначенію отъ факультета, и притомъ одна на французскомъ языкѣ, а другая на русскомъ.

Въ засѣданіи факультета всѣ единодушно высказались въ пользу С. В. Соловьева. Въ частности, проф. Потенбня отмѣтилъ въ немъ „рѣдкое соединеніе качествъ, которыя можно искать въ университетскомъ преподавателѣ новаго языка. Обнаруживъ весьма значительное практическое умѣнье владѣть французскимъ языкомъ, Соловьевъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ окончившій курсъ по историко-филологическому факультету со степенью кандидата, имѣетъ также и специальную филологическую подготовку, позволяющую надѣяться на то, что онъ будетъ заниматься своимъ предметомъ болѣе ученымъ образомъ“.

И. о. проф. Н. Θ. Сумцовъ замѣтилъ, что, рассматривая въ свое время кандидатское сочиненіе Соловьева, нашелъ его однимъ изъ лучшихъ изъ всѣхъ, которыя вообще когда-либо приходилось ему рассматривать. Не менѣе лестные отзывы дали проф. Дриновъ, Зеленогорскій, Дилленъ.

Послѣ произведеннаго закрытаго голосованія избранымъ единогласно оказался С. В. Соловьевъ (13-го ноября 1886 г.). Въ совѣтѣ при голосованіи С. В. получилъ 32 изб. и 15 неизб. Въ должности лектора онъ былъ утвержденъ окружнымъ начальствомъ 2-го янв. 1887 г.¹⁾

Въ августъ 1890 г. С. В. выдержалъ магистерскій экзаменъ по предмету исторіи всеобщей литературы при Новороссійскомъ университетѣ; тамъ же имъ были прочитаны и пробныя лекціи. 10-го декабря онъ былъ допущенъ къ чтенію лекцій въ качествѣ приватъ-доцента въ Харьковскій уни-

¹⁾ См. „Дѣло Совѣта Императорскаго Харьковскаго Университета 1886 г. № 197 объ опредѣленіи Соловьева на должность лектора французскаго языка“.

верситетъ по предмету исторіи западныхъ литературъ. Каѳедра западно-европейскихъ литературъ находилась въ это время въ печальномъ положеніи. Въ 1884 г. проф. А. И. Кирпичниковъ перешелъ въ Одессу, не оставивъ замѣстителя. Только въ 1887 г. она была замѣщена проф. Казанскаго университета Л. З. Колмачевскимъ. Это былъ серьезный, осторожный изслѣдователь и критикъ, чловѣкъ широкаго и разносторонняго образованія. Но, къ сожалѣнію, онъ отличался весьма слабымъ здоровьемъ, и уже въ 1889 г. долженъ былъ выйти въ отставку, вскорѣ послѣ которой умеръ. Съ января 1890 г. началъ читать лекціи Л. Ю. Лазаревичъ-Шепелевичъ, въ качествѣ приватъ-доцента. А въ декабрѣ это же званіе получилъ и С. В.

Со времени принятія въ число приватъ-доцентовъ университета по каѳедрѣ западно-европейскихъ литературъ, С. В. несъ труды по преподаванію этого предмета наравнѣ съ штатнымъ представителемъ каѳедры, орд. проф. (съ 1896 г.) Л. Ю. Шепелевичемъ. Въ то время, какъ послѣдній преподавалъ исторію литературъ съ эпохи Возрожденія, С. В. Соловьевъ читалъ изъ года въ годъ обязательные курсы по исторіи средневѣковыхъ литературъ и велъ со студентами практическія занятія по средневѣковымъ памятникамъ германо-романской филологіи, посвящая этимъ лекціямъ и занятіямъ по 5 часовъ въ недѣлю.

Въ 1895 г. онъ успѣшно защитилъ при Новороссійскомъ университетѣ диссертацию на тему: *„Историко-литературные этюды. Къ легендамъ объ Иудѣ Предателѣ. Ч. I. X. 1895.“* и получилъ званіе магистра. С. В. исполнялъ неоднократно различныя порученія факультета по предмету своей специальности: представлялъ письменные отзывы объ ученыхъ работахъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе факультета; принималъ участіе въ производствѣ магистерскихъ испытаній, въ качествѣ экзаменатора; выступалъ на диспутахъ въ должности назначеннаго оппонента; производилъ въ испытательной комиссіи экзаменъ по исторіи западно-европейскихъ литературъ, въ качествѣ приглашеннаго экзаменатора.

Помимо лекцій и практическихъ занятій по каѳедрѣ западно-европейскихъ литературъ, С. В. читалъ еще и французскій языкъ въ званіи лектора этого предмета, а въ 1894—

96 г.г. лекціи для женщинъ по исторіи средневѣковой лирики и эпоса.

Въ 1902 г., по поводу 100-лѣтнихъ юбилеевъ великихъ русскихъ поэтовъ Пушкина, Гоголя и Жуковского, факультетъ рѣшилъ учредить особые медали имени этихъ поэтовъ, для выдачи студентамъ за сочиненія по исторіи русской и всеобщей литературы, языку и этнографіи. С. В. Соловьевъ вошелъ въ составъ комиссіи, которая должна была выработать правила присужденія этихъ медалей.

Въ 1902 г. факультетъ возбудилъ ходатайство о возведеніи приватъ-доцента С. В. Соловьева въ званіе и. д. экстраординарнаго профессора, но это ходатайство было отклонено министерствомъ „за неимѣніемъ остатковъ отъ суммы на содержаніе личнаго состава факультета“. Черезъ два года факультетъ вновь возбудилъ ходатайство, въ которомъ, между прочимъ, писалъ:

„Факультету извѣстенъ г. Соловьевъ, какъ превосходный преподаватель, широко образованный и отлично владеющій словомъ и перомъ. Его доклады въ историко-филологическомъ обществѣ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, равно какъ и читанныя имъ публичныя лекціи всегда пользовались большимъ успѣхомъ. Ему принадлежатъ многочисленные печатные труды по избранной имъ специальности, свидѣтельствующіе о его познаніяхъ и его научной работоспособности. Г. Соловьевъ въ совершенствѣ владеетъ главными европейскими языками: французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и итальянскимъ, усвоивъ первые два еще съ дѣтства.

„Факультетъ, дорожа преподавательской дѣятельностью г. Соловьева и желая упрочить положеніе его въ университетѣ находитъ, что возобновленіе ходатайства о возведеніи его въ званіе и. д. экстраординарнаго профессора было бы дѣломъ справедливости по отношенію къ г. Соловьеву въ виду его многополезнаго и продолжительнаго служенія наукѣ и университету ¹⁾“. На этотъ разъ ходатайство было уважено, и Высочайшимъ приказомъ отъ 21 августа 1904 года С. В. Соловьевъ былъ назначенъ и. д. экстраординарнаго

¹⁾ См. „Дѣло Совѣта Императорскаго Харьковскаго Университета 1904 г. № 494 о возведеніи приватъ-доцента Соловьева въ званіе и. д. экстраординарнаго профессора“.

профессора, въ каковой должности онъ состоялъ до самой своей смерти.

„Покойный былъ дорогимъ членомъ факультета, посѣщалъ почти всѣ засѣданія, вникалъ въ дѣла, безропотно принимая на себя порученія, въ томъ числѣ такое тяжелое и неблагодарное, какъ экзаменъ по французскому языку, охотно помогаль товарищамъ въ переводѣ трудныхъ текстовъ“.

Не мало заботъ удѣлилъ С. В. и историко-филологическому обществу, состоя въ немъ членомъ 24 года. Онъ много разъ дѣлалъ доклады большого научнаго интереса, участвовалъ въ составѣ тѣхъ восьми профессоровъ, которые отъ имени историко-филологическаго общества вели курсы для женщинъ; онъ неоднократно выступалъ съ публичными лекціями, отдавая весь чистый сборъ на учрежденія общества, и съ радостью шелъ на встрѣчу всѣмъ его дѣятелямъ въ торжественные дни ихъ учено-педагогическаго и общественнаго служенія; состоялъ членомъ редакціоннаго комитета „Вѣстника Ист.-Фил. Общества“.

„С. В. въ послѣднее время былъ деканомъ историко-филологическаго факультета на высшихъ женскихъ курсахъ; онъ несъ эту трудную обязанность съ рѣдкимъ тактомъ и съ чрезвычайной осторожностью, предусматривая заранѣе тренія и устраняя всякую остроту личныхъ неудовольствій“.

„Въ текущемъ году С. В. впервые попалъ въ положеніе руководителя одной изъ лучшихъ въ городѣ женскихъ гимназій—Д. Д. Оболенской въ званіи предсѣдателя педагогическаго совѣта; въ этой, совсѣмъ для него непривычной и чуждой роли, онъ быстро освоился и проявилъ свойственный ему личный тактъ, рѣдкое по чуткости и добротѣ сердце, умѣніе разобраться въ мелочахъ служебно-педагогической практики, не задѣвая личныхъ самолюбіи, проводя лишь принципъ служенія дѣлу, добру, наукѣ. Этотъ человѣкъ, совершенно чуждый узкаго и сухого бюрократизма, несомнѣнно обладалъ административнымъ талантомъ и, благодаря ясному уму и чуткой совѣсти, быстро разбирался во всякомъ положеніи“.

С. В. состоялъ также руководителемъ годовичныхъ педагогическихъ курсовъ при учебномъ Округѣ, читая лекціи по французской литературѣ на французскомъ языкѣ.

II.

Заслуги покойнаго проф. С. В. Соловьева въ области научной весьма велики. Онъ по справедливости считался однимъ изъ лучшихъ знатоковъ средневѣковой литературы и романтизма не только въ Россіи, но и на западѣ. Въ своихъ научныхъ работахъ по приѣмамъ изслѣдованія, а также по выбору темъ для изысканій С. В. оставался вѣрнымъ ученикомъ А. И. Кирпичникова и А. А. Потебни. Впрочемъ, собственная пытливость не позволяла ему быть только послѣдователемъ своихъ наставниковъ, ибо онъ въ рядѣ работъ приходилъ къ самостоятельнымъ выводамъ и заключеніямъ.

Научная производительность С. В. выразилась главнымъ образомъ въ большомъ и весьма цѣнномъ ученомъ трудѣ—въ магистерской диссертации *„Историко-литературныя этюды. Къ легендамъ объ Іудѣ предателѣ Ч. І. Харьковѣ 1895“*. Въ этомъ интересномъ изслѣдованіи авторъ обнаружилъ большую начитанность, умѣлое пользованіе фактами литературы и искусства, безукоризненную научную добросовѣстность и хорошій литературный языкъ. Извѣстный профессоръ Кирпичниковъ такъ отзывался объ этой работѣ:

„Скромную тему свою г. Соловьевъ обработалъ съ большою полнотою и добросовѣстностью, прибавилъ къ извѣстному матеріалу не мало новыхъ фактовъ и соображеній и, что, по моему мнѣнію, всего важнѣе въ работѣ начинающаго ученаго,—онъ произвелъ ее осторожно и по строго научному методу, тщательно избѣгая такихъ смѣлыхъ, но не обоснованныхъ домысловъ, которые могли бы внести въ дѣло путаницу вмѣсто опредѣленности и ясности. Съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаю внимательное пользованіе иконографическими данными въ поясненіе литературныхъ“¹⁾.

Не менѣе сочувственный отзывъ далъ одинъ изъ солиднѣйшихъ ежемѣсячниковъ—*„Историческій Вѣстникъ“*:

„Въ настоящемъ изслѣдованіи, представляющемъ очень добросовѣстный трудъ, г. Соловьевъ даетъ очень много любопытныхъ указаній на отраженія легендъ объ Іудѣ въ памятникахъ народнаго творчества, а также въ памятникахъ древне-христіанскаго и болѣе поздняго искусства. Правда,

1) „Записки Имп. Новор. Унив.“, т. 68, Одесса 1896, стр. 20.

самъ г. Соловьевъ считаетъ первый вышедшій выпускъ изслѣдованія только этюдомъ, но все же этотъ этюдъ имѣетъ несомнѣнную цѣнность¹⁾.

Исторія средневѣковой лирики и эпоха романтизма—вотъ тѣ двѣ темы, на которыхъ главнымъ образомъ было сосредоточено вниманіе С. В.—ча. Съ особенной любовью занимался онъ провансальской лирикой. Плодомъ тщательнаго и долготѣняго изученія этой интереснѣйшей эпохи французской литературы явилось напечатанное въ „Трудахъ Педагогическаго Отдѣла Харьковского Историко-Филологическаго Общества“ 1899 г. выпускъ V и вышедшее отдѣльно „Провансальская поэзія“ общедоступное чтеніе. Харьковъ, 1899“. Эта художественно написанная работа до сихъ поръ является единственной русской монографіей, посвященной Провансу, его лирикѣ, трубадурамъ...

Изучалъ С. В. и германскую лирику. Въ 1902 году вышла его работа „Послѣдній миннезингеръ—Освальдъ фонъ-Волькенштейнъ“, напечатанная сперва въ „Мирномъ Трудѣ“ 1902 г., кн. 3.

Изъ другихъ работъ по исторіи средневѣковыхъ литературъ надо отмѣтить: „По поводу книги Л. Ю. Шепелевича: „Этюды о Данте. Апокрифическое видѣнье св. Павла“ въ „Запискахъ Императорскаго Харьковского Университета“ 1893 г.; „Популярная книга о Данте (Карлъ Федернъ. Данте и его время. Москва, 1911“), *ibid.* 1911 г., кн. 1; „Рыцарскій романъ въ Германіи. Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ“ въ „Трудахъ Педагогическаго Отдѣла Историко-Филологическаго Общества“ 1904 г.

С. В.—чу были дороги и близки не одни переживанія трубадуровъ: его глубоко захватывали и томленія романтиковъ. Особенно привлекалъ его В. Гюго, которому С. В. посвятилъ нѣсколько работъ: „Викторъ Гюго. Очерки“ въ „Мирномъ Трудѣ“ 1902 г., кн. 1 и отд. Харьковъ, 1902; „Жоржъ Гюго о Викторѣ Гюго“, тамъ-же, кн. 2 и отд. Харьковъ, 1902; „Викторъ Гюго, какъ проповѣдникъ гуманности и другъ дѣтей. С.-Петербургъ, 1912“. Сюда же слѣдуетъ отнести небольшую замѣтку, помѣщенную въ № 2 „Мирнаго Труда“ за 1902 годъ „Томасъ Муръ“, гдѣ С. В.

¹⁾ „Ист. Вѣстн.“ 1896 г. кн. 7, стр. 218.

указываетъ на рядъ сходныхъ чертъ между главою французскаго романтизма и скромнымъ ирландскимъ пѣвцомъ.

Къ сожалѣнію, С. В. не окончилъ своей монографіи, посвященной романтизму. Зато онъ основательно разобралъ работы другихъ русскихъ ученыхъ, дѣлая при этомъ попутно много интересныхъ самостоятельныхъ выводовъ. Такъ, имъ была издана брошюра „Новое изслѣдованіе по исторіи французскаго романтизма“, „Записки Императорскаго Харьковскаго Университета“ 1910, кн. 4 и отд. Харьковъ, 1911, гдѣ С. В. подвергъ тщательному разбору книгу гр. Ф. Г. де-ла-Барта „Разысканія въ области романтической поэтики и стиля. Т. I. Кіевъ, 1910“. Въ 1908 году въ „Извѣстіяхъ Академіи Наукъ“ напечатанъ отзывъ о книгѣ проф. И. И. Замотина „Романтическій идеализмъ въ русской литературѣ“; въ 1910 году издана брошюра „Новый трудъ о Жанъ-Жакъ Руссо (рецензія на книгу М. Н. Розанова)“.

Среди работъ С. В. особое мѣсто занимаетъ по своему изяществу, художественному выполнению и красотѣ „Фридерикъ Мистраль. Харьковъ, 1909“. Въ небольшомъ очеркѣ С. В. даетъ поразительно яркій и свѣтлый образъ представителя ново-провансальской поэзіи Мистрала, который всю свою долгую жизнь употребилъ на то, чтобы оживить въ Провансѣ національное чувство.

С. В., будучи историкомъ западно-европейскихъ литературъ, любилъ заниматься разработкой вліянія Запада на русскую литературу и, наоборотъ, съ особой любовью отмѣчалъ интересъ, обнаруживаемый Западомъ къ нашей русской литературѣ. Къ числу работъ второго рода относятся: „Л. Толстой, какъ художникъ, въ оцѣнкѣ французской критики. Харьковъ, 1911“ и „Записки Императорскаго Харьковскаго Университета“ 1911 г. прилож.; „Современное положеніе русскаго языка и литературы во Франціи. Харьковъ, 1912“ и „Вѣстникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества“, выпускъ II; отзывы 1) о студенческомъ сочиненіи „Вліяніе Жоржъ Зандъ на русскую литературу“ въ „Запискахъ Императорскаго Харьковскаго Университета“ 1910 г., кн. 2 и 2) о книгѣ „Erneste Seillière. Les Mystiques du néo-romantisme. Evolution contemporaine de l'appetit mystique (4-ème partie: La doctrine morale de Tolstoi). Paris, 1911“.

Любя дѣтей, С. В. очень интересовался и вопросами

педагогики, поскольку они находили отраженіе въ изящной литературѣ. Сюда относятся его изслѣдованія „В. Гюго и Диккенсъ, какъ проповѣдники гуманности и друзья дѣтей“, см. „Труды Педагогическаго Отдѣла Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества“, вып. 3-й 1896 г.; „Педагогическіе взгляды Ж. Зандъ“, см. „Вѣстникъ Екатеринославскаго Губернскаго Земства“ 1904 г.; „Ж. Зандъ, какъ педагогъ, 1909“. Сверхъ того имъ написаны замѣтки на педагогическія темы: „Новая Сорбонна“ въ „Вѣстникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества“ выпускъ I, 1911 г. и „Бреславльскій университетъ и его 100-лѣтній юбилей“ *ibid.*, вып. II.

Покойный С. В. былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала „Мирный Трудъ“ въ первые годы его существованія, и его перу принадлежитъ много статей и замѣтокъ по исторіи западныхъ литературъ, помѣщенныхъ въ журналъ за 1902—1903 г.г.

Нерѣдко приходилось С. В.—чу писать некрологи своихъ учителей и товарищей. Сюда относятся: „Профессоръ А. И. Кирпичниковъ. Характеристика“ въ „Сборникъ Историко-Филологическаго Общества“ т. XIV, „Памяти проф. А. И. Кирпичникова“ въ „Южномъ Краѣ“ за 1903 г. и „Сборникъ Вислы“, „Л. Ю. Лазаревичъ-Шепелевичъ. Некрологъ“ въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1909 г. кн. 3, „М. Г. Халанскій. (Некрологъ)“ въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1910 г. Сверхъ того С. В. принималъ участіе въ составленіи біографій профессоровъ и преподавателей историко-филологическаго факультета для юбилейнаго сборника. Покойному принадлежатъ біографіи А. И. Кирпичникова, Л. З. Колмачевского, лекторовъ французскаго, англійскаго и итальянскаго языковъ.

Курсы, читавшіеся С. В.—чемъ отличались большимъ разнообразіемъ. За послѣдніе годы онъ читалъ общіе курсы по исторіи средне-вѣковыхъ литературъ, по исторіи литературы эпохи Возрожденія въ Италіи и Германіи, по исторіи литературы XVII вѣка, по исторіи нѣмецкой литературы XVIII вѣка; изъ спеціальныхъ курсовъ С. В. читалъ „провансальскую лирику“, „средневѣковую лирику“, „средневѣковый романъ“, „французскій романтизмъ“.

Не такъ давно С. В. приступилъ къ печатанію своей

докторской диссертации, которая, по свидетельству проф. Н. Θ. Сумцова, „наросла постепенно въ теченіе 17 лѣтъ на почвѣ разныхъ подготовительныхъ этюдовъ, которые авторъ потомъ перерабатывалъ, провѣрялъ, дополнялъ, связывалъ и сводилъ въ одно общее художественно-научное сооруженіе. Такъ, „Мистраль“ былъ прочитанъ сначала въ видѣ публичной лекціи, потомъ изданъ въ переработанномъ видѣ и, наконецъ, введенъ въ диссертацию въ объемѣ втрое больше и въ новой тщательной обработкѣ“.

Не повезло С. В. съ диссертацией: „уже послѣдній листъ ея печатался въ Петербургѣ въ типографіи Стасюлевича и проф. Н. Θ. Сумцовъ приступилъ было къ составленію отзыва для диспута, который предполагался въ концѣ мая.

Докторская диссертация С. В. Соловьева состоитъ изъ ряда статей по исторіи стараго и новаго романтизма во Франціи. Хотя статьи по внутреннему содержанію обособлены, но онѣ связаны единствомъ плана, единствомъ страны, которой посвящены, и, главное, единствомъ литературнаго направленія—романтическаго, какъ опытъ историческаго его освѣщенія, вполне согласно съ выставленнымъ въ началѣ первой статьи эпиграфомъ изъ Брюнетьера, что „la definition du romantisme n'est pas une question d'etymologie, ni de doctrine, mais d'histoire“. Первая глава или первый этюдъ озаглавленъ: „Изъ исторіи романтической поэтики во Франціи“, и ко всей книгѣ приложимъ этотъ заголовокъ. Первые три главы представляютъ въ сущности критическій разборъ трехъ докторскихъ диссертаций о романтизмѣ—профессоровъ Делабарта, Розанова и Замотина, причемъ авторъ привноситъ много новыхъ соображеній по запутанному вопросу о происхожденіи и значеніи романтизма“.

„Обширная и содержательная статья объ эволюціи литературныхъ взглядовъ главы французскаго романтизма Виктора Гюго ярко обрисовываетъ этого талантливаго литературнаго и политическаго хамелеона“.

„Особенно хороша послѣдняя, наиболѣе обширная глава о Мистралѣ, главномъ представителѣ современной провансальской литературы, съ предварительнымъ очеркомъ старой провансальской поэзіи. Простота, искренность и гуманность Мистрала, отдавашаго весь свой большой талантъ родному краю, нашли въ С. В. чуткаго, отзывчиваго цѣнителя, и

далекая от нас поэзія стараго Прованса передана съ такою любовью, что читатель переносится мыслью и воображеніемъ въ ту чудную страну далекаго юга, гдѣ все улыбается и все зеленѣетъ“...

III.

Чтенія С. В—ча „представляли гармоническое сочетаніе серьезнаго, солиднаго содержанія и мягкой художественной формы, тѣмъ болѣе цѣнное, что въ этомъ изяществѣ мысли и слова не было ни малѣйшей рисовки, и красота формы была естественнымъ отраженіемъ красоты проникавшаго лектора духа истины и добра, въ ихъ внутреннемъ сочетаніи“.

„Всегда онъ горѣлъ любовью къ прекрасному, истинному, доброму, а потому и зажигалъ сердца своей юной аудиторіи, излагая ей исторію поисковъ и служенія вѣчнымъ, нетлѣннымъ идеаламъ человѣческой души на протяжении длинной вереницы столѣтій. Онъ былъ чуждъ модной „усталости“ и „отчаянія“, ибо, несмотря на болѣе чѣмъ XXV-лѣтнее служеніе наукѣ, сохранилъ душевную молодость, умѣнье говорить съ молодежью искреннимъ, понятнымъ языкомъ. Подобно ей, онъ любилъ, вѣрилъ, надѣялся, искалъ... Вотъ въ чемъ заключается тайна того несомнѣннаго обаянія, о которомъ такъ наглядно и выразительно свидѣтельствовали полученныя имъ въ дни прошлагодняго XXV-лѣтняго юбилейнаго торжества единодушныя привѣтствія профессоровъ, слушателей, слушательницъ и читателей.“

Въ адресѣ, поднесенномъ отъ имени факультета, говорилось:

„Глубокоуважаемый и дорогой Сергѣй Викторовичъ! Исполнившееся 25-лѣтіе вашей преподавательской и ученой дѣятельности, которая вся протекла въ родномъ для васъ Харьковскомъ университетѣ, даетъ намъ, вашимъ товарищамъ по факультету, желанный поводъ выразить то чувство глубокаго и искренняго уваженія, которое мы къ вамъ питаемъ. Мы высоко цѣнимъ вашу широту и разносторонность, какъ ученаго и какъ профессора. Въ своихъ курсахъ, печатныхъ докладахъ и рѣчахъ вы охватываете литературу романскаго міра и міра германскаго, среднихъ вѣковъ и новаго времени,—вы касаетесь и литературы русской—древней

и новой. Въ трудахъ, посвященныхъ христіанской легендѣ, вы обслѣдуете самые разнообразныя матеріалы на весьма многихъ языкахъ и нарѣчіяхъ, привлекая при этомъ неизвѣстные ранѣе рукописи и иконографическія данныя и дѣлая совершенно новыя и чрезвычайно цѣнныя указанія, важныя не только для исторіи литературы, но и для исторіи искусствъ. Въ многочисленныхъ статьяхъ вы изслѣдовали рядъ вопросовъ, касающихся средневѣковой лирики и, въ особенности,—исторіи романтизма. Мы цѣнимъ также ту прекрасную литературную форму, въ которую вы всегда умѣете облечь свою мысль и въ печати, и въ устной рѣчи, — тотъ духъ гуманности и высокаго идеализма, который проникаетъ все, что выходитъ изъ-подъ вашего пера, или исходитъ изъ вашихъ устъ. Въ лицѣ вашемъ мы привѣтствуемъ вѣрнаго и преданнаго сына нашего университета, всегда корректнаго члена нашей коллегіи, человека благородной души и лучшихъ намѣреній. Отъ всего сердца желаемъ вамъ силъ и здоровья, и да продолжится ваша дѣятельность еще долгіе, долгіе годы.“

Кромѣ массы устныхъ поздравленій въ день юбилея 22 янв. 1912 г. С. В. получилъ нѣсколько десятковъ телеграммъ. Интересно отмѣтить, между прочимъ, слѣдующую телеграмму педагогическаго совѣта Харьковской 3-й гимназіи:

„Исполнившееся 25-лѣтіе вашей учено-педагогической дѣятельности, многоуважаемый Сергѣй Викторовичъ, не могло не остановить вниманія педагогическаго совѣта Харьковской третьей гимназіи. Быть можетъ, вы не откажетесь признать за этой гимназіей право на нѣсколько горделивое воспоминаніе о томъ, что вы ея воспитанникъ. Не безъ великаго чувства удовлетворенія педагогическому совѣту вспоминается, что вы, блестяще окончивъ курсъ гимназіи въ 1881 г., въ дальнѣйшемъ блестяще же оправдали возлагавшіяся на васъ надежды. Педагогическому совѣту хорошо извѣстна ваша неутомимая и плодотворная дѣятельность по изученію и разработкѣ интереснѣйшихъ и важнѣйшихъ вопросовъ западно-европейскихъ литературъ. Ваши ученія изслѣдованія въ области средне-вѣковой легенды и французскаго романтизма,—блестящее выраженіе этой дѣятельности. Позвольте же педагогическому Совѣту Харьковской 3-ей гимназіи засвидѣтельствовать вамъ въ эту знаменательную

для васъ годовщину свое искреннее уваженіе и выразить горячія пожеланія, чтобы ваша дѣятельность въ научной области и на нивѣ просвѣщенія молодыхъ поколѣній продолжалась много-много лѣтъ“.

Харьковскіе женскіе курсы отмѣтили заслуги С. В. слѣдующей телеграммой:

„Глубокоуважаемый и дорогой Сергѣй Викторовичъ! Въ минуты празднованія вашего юбилея мы присоединяемъ свой голосъ къ чествованію и шлемъ горячія пожеланія еще многіе годы способствовать расцвѣту любимой науки. Искренно благодаримъ васъ за тѣ высокія чувства красоты которыя вы будили въ насъ своимъ живымъ словомъ и, сердечно привѣтствуя васъ въ этотъ радостный день, мы горячо желаемъ вамъ еще долго-долго работать на славномъ поприщѣ пріобщенія женщины къ великимъ завѣтамъ корифеевъ европейской литературы“.

Совершенно неожиданно для С. В. было чествованіе его на высшихъ женскихъ курсахъ двадцать четвертаго января. Слушательницы проф. С. В. Соловьева въ переполненной аудиторіи подъ громкія рукоплесканія поднесли ему изящный щитъ изъ живыхъ цвѣтовъ и прочитали слѣдующій необыкновенно поэтичный, преисполненный благодарности адресъ:

„Позвольте, дорогой профессоръ, еще разъ выразить вамъ нашу сердечную благодарность за ваши яркія художественныя лекціи, въ которыхъ изящная форма и поэтическое содержаніе сливались въ стройную гармонию, развивали въ насъ вкусъ къ изящному и будили интересъ къ чарующей поэзіи знойнаго Прованса и къ прекрасной лирикѣ далекой Италіи“.

„И подъ дѣйствіемъ вашихъ словъ раздвигались бѣлыя стѣны аудиторіи и высоко, высоко надъ ними сіяло голубое небо чарующаго юга, и гордо возвышались зачарованные замки, обросшіе мхомъ, гдѣ таинственное эхо повторяло отзвуки сумрачнаго и суроваго средневѣковья. Сквозь рѣшетки готическихъ оконъ золотымъ потокомъ вливались горячіе лучи южнаго солнца и задумчивымъ плескомъ разбивались о берегъ бирюзовыя волны Адриатики“.

„Дивной фееріей проносились передъ нами образы блестящихъ рыцарей и среди нихъ волшебнымъ видѣніемъ

мелькнулъ стройный красавецъ Lancelot и обаятельно прекрасная королева Джиневра. Вмѣстѣ съ вами мы внимали страстнымъ пѣснямъ трубадуровъ, и тихо проходили неясные образы. Вотъ величественно прошелъ передъ нами смуглый юноша-поэтъ изъ Флоренціи со строгимъ профилемъ, огненнымъ взглядомъ и волосами, закурчавившимися отъ долгаго хожденія по мрачно-грозному, полному ужасовъ аду. Свѣтлой, недостижимой грезой воспарила передъ нами мечта поэта Беатриче и вознесла насъ въ сферы райскаго блаженства. И, какъ вѣстники нарождающейся зари освобожденія, появились гордый и прекрасный пѣвецъ Лауры, жизнерадостный авторъ „Декамерона“, и вотъ, наконецъ, вы вывели насъ въ послѣднюю эпоху—эпоху „Просвѣщенія“.

„Есть прекрасная легенда о лунномъ лучѣ, который въ ясныя ночи спускается къ душѣ, и по этому неземному волшебному блистающему пути высоко взлетаетъ и паритъ она въ воздушныхъ струяхъ ээира. Пусть же ваши лекціи и впредь будутъ для насъ тѣмъ луннымъ лучемъ, по которому мы взойдемъ ко всему истинно-прекрасному“.

И эти слова не были преувеличеніемъ. Тотъ, кому приходилось слышать вдохновенную рѣчь С. В., невольно забывалъ повседневную жизнь съ ея мелочными заботами и хотя на короткое время возносился мыслію къ вѣчному, неземному, прекрасному...

IV.

Въ частной жизни покойный С. В. также обнаруживалъ рѣдкія душевныя качества. „Европейски образованный человѣкъ, прекрасный ученый, знатокъ своего предмета, онъ черпалъ силы для многотрудной работы въ живой вѣрѣ и былъ преданнымъ и искреннимъ сыномъ св. Православной Церкви“.

„Онъ наглядно показалъ, что можно и должно объединять глубоко научныя познанія съ нравственными требованіями и духовными идеалами“. „Его всегда можно было встрѣтить въ университетской церкви въ числѣ немногихъ постоянныхъ посѣтителей храма. Его трогали церковныя пѣснопѣнія. Торжественная обстановка страстной недѣли была близка его сердцу. Дни кончины отца, матери, брата онъ

свято чтить, служилъ панихиды, отдавался горестнымъ воспоминаніямъ. Въ эти дни онъ остро чувствовалъ свое семейное одиночество и иногда жаловался на него близкимъ ему людямъ“.

„Безсемейные, одинокіе люди часто черствѣютъ, обращаются въ узкихъ, холодныхъ эгоистовъ. Скрупулезно и мелочно они слѣдятъ за своимъ желудкомъ, письменнымъ столомъ, книжнымъ шкафомъ; но бываютъ одинокіе люди другого душевнаго склада, которые полное любви сердце отдаютъ своимъ друзьямъ, народу, тѣнямъ дорогихъ умершихъ. С. В. шелъ въ ряду любящихъ одинокихъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда С. В. приходилось входить въ общеніе съ народомъ, въ его лицѣ выступалъ сынъ врача—гуманистъ и другъ крестьянина, что случалось чаще всего у него въ имѣніи, гдѣ онъ въ широкой степени практиковалъ леченіе крестьянъ, выдавалъ бесплатно лекарства, а въ холерный годъ поднялся на такую героическую ступень, что отказался отъ поѣздки за-границу, чтобы остаться вблизи селянъ и помогать имъ словомъ и дѣломъ. Уйти изъ имѣнія въ такое тревожное время—въ глазахъ окрестныхъ селянъ означало бы, что панъ перепугался и бѣжалъ, что онъ бросилъ своихъ земляковъ, и С. В. рѣшилъ остаться; судьба, а быть можетъ и его заботы привели къ тому, что мѣстное населеніе не пострадало отъ эпидеміи“.

„Покойный въ послѣднее время былъ въ хорошемъ настроеніи духа, не чувствовалъ близости ужаснаго рокового гостя—смерти, радовался быстрому росту общественнаго къ нему вниманія, замѣтно наросставшему общему признанію, что въ его лицѣ общество, наука, университетъ, женскіе курсы, средняя школа имѣютъ опытнаго учителя, прекраснаго, глубоко чуткаго и сердечно-нѣжнаго человѣка“.

„Наканунѣ смерти онъ чувствовалъ какое-то особенно-жизнерадостное настроеніе и даже сказалъ о томъ въ университетѣ одному изъ своихъ товарищей. Въ его рѣчи, въ глазахъ, въ смѣхѣ чувствовался приливъ жизни свѣтлой и радостной, и вдругъ сердце, съ любовью открытое всему міру, товарищамъ, слушателямъ, сразу остановилось, и жизнь улетѣла, какъ чудная сказка“.

„До рокового момента С. В. Соловьевъ чувствовалъ себя вполне здоровымъ и выѣхалъ на извозчикѣ изъ дому на

курсы Общества трудящихся женщинъ, гдѣ у него предстояла лекція и засѣданіе факультета“.

„По дорогѣ С. В. вспомнилъ о чемъ то, забытомъ дома, и возвратился обратно. Но, войдя во дворъ, вдругъ почувствовалъ себя дурно и упалъ. Врачъ вызванной кареты скорой помощи удостовѣрилъ смерть“.

Скоропостижная кончина Сергѣя Викторовича громомъ поразила всѣхъ его друзей, и отозвалась чувствомъ невыразимой скорби ярко сказавшейся въ день похоронъ.

5-го апрѣля въ 5 часовъ вечера состоялся выносъ тѣла въ Университетскую церковь. Предъ выносомъ у гроба проф. богословія, прот. Н. Стеллецкимъ и прив.-доц. І. Филевскимъ была совершена краткая литія, послѣ которой гробъ съ тѣломъ профессорами и студентами университета былъ вынесенъ изъ квартиры. Отсюда похоронное шествіе тихо двинулось вверхъ по Губернаторской улицѣ, по направленію къ Университетской церкви. Гробъ, утопавшій въ цвѣтахъ, несли студенты и служители университета. Вѣнки и крышку отъ гроба несли курсистки высшихъ женскихъ курсовъ Общества трудящихся женщинъ. За гробомъ слѣдовали представители учебнаго округа—окружные инспектора Д. Е. Архангельскій и В. В. Шиховъ, ректоръ университета, проф. И. В. Нетушилъ, проректоръ, проф. Н. И. Палиенко, профессора университета и технологическаго института, преподаватели гимназій, бывшіе слушатели, курсистки, студенты и много другихъ лицъ. Возлѣ женской гимназіи Д. Д. Оболенской процессію встрѣтили воспитанницы гимназіи, присоединившіяся потомъ къ процессіи. Возлѣ гимназіи была отслужена краткая литія.

На гробъ возложена масса вѣнковъ, въ томъ числѣ отъ совѣта профессоровъ университета—„Дорогому сочлену, профессору С. В. Соловьеву“, отъ историко-филологическаго факультета университета—„Глубокоуважаемому и дорогому товарищу—проф. С. В. Соловьеву“, отъ группы слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ—„Художнику слова—проф. С. В. Соловьеву“, отъ учебно-воспитательнаго персонала женской гимназіи Д. Д. Оболенской, студентовъ-филологовъ, совѣта высшихъ женскихъ курсовъ, историко-филологическаго факультета курсовъ и проч. Кромѣ того, на гробъ

была возложена масса живыхъ цвѣтовъ. Въ Университетской церкви цвѣты на гробъ возложили воспитанницы гимназiи Д. Д. Оболенской.

6-го апрѣля, въ вербную субботу, въ Университетской церкви послѣ заупокойной литургiи состоялось отпѣванiе тѣла почившаго профессора. Пѣлъ усиленный хоръ пѣвчихъ подъ управленiемъ И. М. Туровѣрова. Храмъ во время богослуженiя былъ переполненъ молящимися, среди которыхъ находились и. д. попечителя харьковскаго учебнаго округа Н. Д. Арбековъ, и. д. ректора университета, проф. Н. И. Палиенко, почти всѣ профессора университета, преподаватели—бывшіе ученики покойнаго, студенты, курсистки высшихъ женскихъ курсовъ Общества трудящихся женщинъ, слушательницы педагогическихъ курсовъ при учебномъ округѣ, воспитанницы женской гимназiи Д. Д. Оболенской, члены историко-филологическаго Общества, почитатели покойнаго. На гробъ было возложено много вѣнковъ отъ разныхъ учреждений и лицъ, съ которыми покойный соприкасался. Гробъ буквально утопалъ въ живыхъ цвѣтахъ.

У гроба съ тѣломъ проф. С. В. Соловьева были произнесены глубоко-прочувственные рѣчи, посвященные памяти покойнаго. Первымъ говорилъ прот. о. Н. Стеллецкій, охарактеризовавшій покойнаго, какъ гуманнаго профессора съ чистой и свѣтлой душой и добрыми намѣренiями.

Проректоръ университета проф. Н. И. Палиенко въ своей рѣчи, между прочимъ, сказалъ:

„Часто, очень часто въ послѣдніе годы опускается скорбное покрывало смерти надъ Харьковскимъ университетомъ, и тяжкія утраты постигаютъ его. И вотъ сегодня опять хоронимъ мы дорогаго товарища нашего—профессора по кафедрѣ всеобщей литературы, С. В. Соловьева.

„Подъ сводами столь любимой усопшимъ родной университетской церкви, въ которой онъ такъ часто искалъ общенiя съ Богомъ, лежитъ его бездыханное тѣло.

„Еще наканунѣ роковаго дня мы видѣли и слышали его,—и казался онъ жизнерадостнымъ и преисполненнымъ отзвуковъ міра сего. Душа горѣла стремленiемъ къ жизни, но сердце, уставшее, отказалось работать, и погасла жизнь.

„Въ лицѣ С. В. университетъ потерялъ даровитаго ученаго и талантливаго профессора, въ своихъ красивыхъ лек-

ціяхъ отражавшаго красоту поезіи тѣхъ прекрасныхъ образцовъ міровой литературы, знатокомъ и спеціалистомъ которой онъ былъ.

„Добросовѣстный въ исполненіи своего профессорскаго долга, глубоко и близко принимавшій, какъ членъ совѣта и факультета, всѣ интересы университета и серьезно выполнявшій каждое рѣшеніе свое, дорожившій достоинствомъ университета и своего званія, усопшій Сергѣй Викторовичъ всей своей дѣятельностью благородно служилъ своему призванію. Родной питомецъ Харьковскаго университета, онъ отдалъ ему силы, просвѣщая молодыхъ поколѣнія и доблестно исполняя свой профессорскій долгъ.

„Одной изъ прекрасныхъ чертъ покойнаго было то уваженіе къ личности человѣка, которое сказывалось во всѣхъ его внѣшнихъ отношеніяхъ. Оно сквозило и въ его высококультурномъ и привѣтливомъ обхожденіи со всѣми, съ кѣмъ приходилось имѣть общеніе. И эти черты обаятельно дѣйствовали на его товарищей и вызывали даже инстинктивно глубокое уваженіе къ прекрасной личности Сергѣя Викторовича. Но больше нѣтъ его съ нами!

„Прими, дорогой Сергѣй Викторовичъ, глубочайшую благодарность родного университета за твою вѣрную и благородную службу ему, прими отъ университета, ректора и всѣхъ насъ твоихъ товарищей послѣднее душевное „прости“. Да останется о тебѣ свѣтлая и вѣчная память, и да познаетъ душа твоя блаженство въ иномъ мірѣ, въ который ты ушелъ отъ міра сего“.

Затѣмъ говорилъ проф. В. П. Бузескулъ.

„Не думалъ я, что мнѣ придется стоять у гроба дорогого, незабвеннаго Сергѣя Викторовича, и тяжело мнѣ проносить надъ нимъ мое надгробное слово... Но я не исполнилъ бы своего нравственнаго долга по отношенію къ близкому, дорогому мнѣ человѣку, преданному, любящему сыну нашей alma mater, всегда свято, съ трогательною благодарностью, хранившему память о нашихъ учителяхъ и товарищахъ, прежде насъ сошедшихъ въ могилу, если бы я не почтилъ его памяти хотя бы нѣсколькими словами.

„С. В. былъ крупною умственною и въ особенности нравственною величиною. Въ немъ гармонически соединилось разностороннее образованіе, широта научныхъ интере-

совъ — въ нашъ вѣкъ подчасъ узкой специализаціи онъ являлся знатокомъ литературъ германскаго и романскаго міра, среднихъ и новыхъ вѣковъ, а также русской, — умѣнье облечь это широкое содержаніе въ прекрасную литературную форму, даръ устнаго слова, деликатность и изящество души, нѣжность и чистота сердца, гуманность и рѣдкое благородство. Это былъ джентльменъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Не всѣ, однако, сразу оцѣнили С. В. Признаніе и нравственное удовлетвореніе получилъ онъ не скоро...

„С. В. родился въ культурной дворянской семьѣ, и его дѣтство относится къ 60-мъ годамъ прошлаго вѣка. Эта обстановка и эти годы наложили на него свой отпечатокъ. Въ С. В. — чѣ были черты, напоминающія людей 60-хъ и даже 40-хъ годовъ. Я бы сказалъ, что это былъ Тургеневскій типъ; не даромъ С. В. такъ любилъ Тургенева...

„Идеалистъ и отчасти романтикъ, онъ съ особеннымъ вниманіемъ изучалъ романтизмъ. Въ литературныхъ произведеніяхъ его привлекало не изображеніе отрицательныхъ, низменныхъ сторонъ, а все прекрасное, благородное, идеальное, все, что служить выраженіемъ лучшихъ человѣческихъ качествъ, все гуманное. Высокимъ идеализмомъ и гуманностью проникнуты всѣ его работы.

„Его натура была нѣсколько женственна и чувствительна. Всякое грубое прикосновеніе, удары и невзгоды особенно болѣзненно отзывались на немъ. И нѣжный сосудъ рано разбился... А между тѣмъ, С. В. желалъ жить; онъ любилъ жизнь, не съ ея грубой, матеріальной или чувственной стороны, а съ ея поэзіей, съ ея духовными сторонами. Но онъ рано ушелъ отъ насъ, еще въ цвѣтѣ силъ. Никогда еще онъ не работалъ съ такой энергіей и такъ плодотворно, какъ въ послѣдніе годы. Рѣдкое засѣданіе нашего Историко-Филологическаго Общества проходило безъ его интереснаго доклада. Онъ заканчивалъ печатаніе большого труда, который онъ имѣлъ въ виду представить въ видѣ докторской диссертациі, и судьба была такъ жестока, что прервала его трудъ, когда оставалось дописать и допечатать не болѣе 20—30 страницъ. На письменномъ столѣ его въ моментъ смерти лежала совершенно готовою другая работа — большая статья о романтизмѣ и о де-Сталь, предназначенная для извѣстной коллекціи „Исторіи западно-европейскихъ литературъ“. Но,

не давъ ему дожить до глубокой старости, сойти въ могилу хилымъ, дряхлымъ старикомъ, судьба словно хотѣла, чтобы его образъ остался въ нашей памяти такимъ же изящнымъ и одареннымъ, какимъ мы его знали до сихъ поръ.

„Вся его жизнь была служеніемъ истинѣ, добру и духовной красотѣ; пусть же у Престола Вѣчной Истины, въ которую Сергѣй Викторовичъ такъ глубоко вѣрилъ, его благородная душа обрѣтетъ себѣ вѣчное успокоеніе“.

Трогательную рѣчь произнесла одна курсистка, назвавъ покойнаго добрымъ профессоромъ, художникомъ слова и другомъ учащейся молодежи.

Кромѣ того говорили рѣчи профессоръ Н. Н. Салтыковъ и два студента. Въ рѣчахъ также отмѣчались выдающіяся заслуги С. В.—ча.

Около часа дня тѣло покойнаго профессора вынесли изъ церкви. Печальная процессія двинулась на вокзалъ. Впереди несли вѣнки. Гробъ несли на рукахъ студенты, а крышку гроба—курсистки.

Гробъ провожала большая толпа родныхъ, близкихъ, товарищей покойнаго; было много профессоровъ, бывшихъ слушателей С. В., курсистокъ, студентовъ, воспитанницъ гимназій Оболенской, въ которой покойный состоялъ председателемъ педагогическаго совѣта.

V.

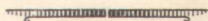
Печальный обрядъ погребенія наглядно показалъ, какое множество людей искренно любило покойнаго.

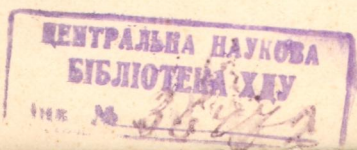
Длинной вереницей шла толпа за гробомъ, и скорбное чувство не покидало никого ни на минуту.

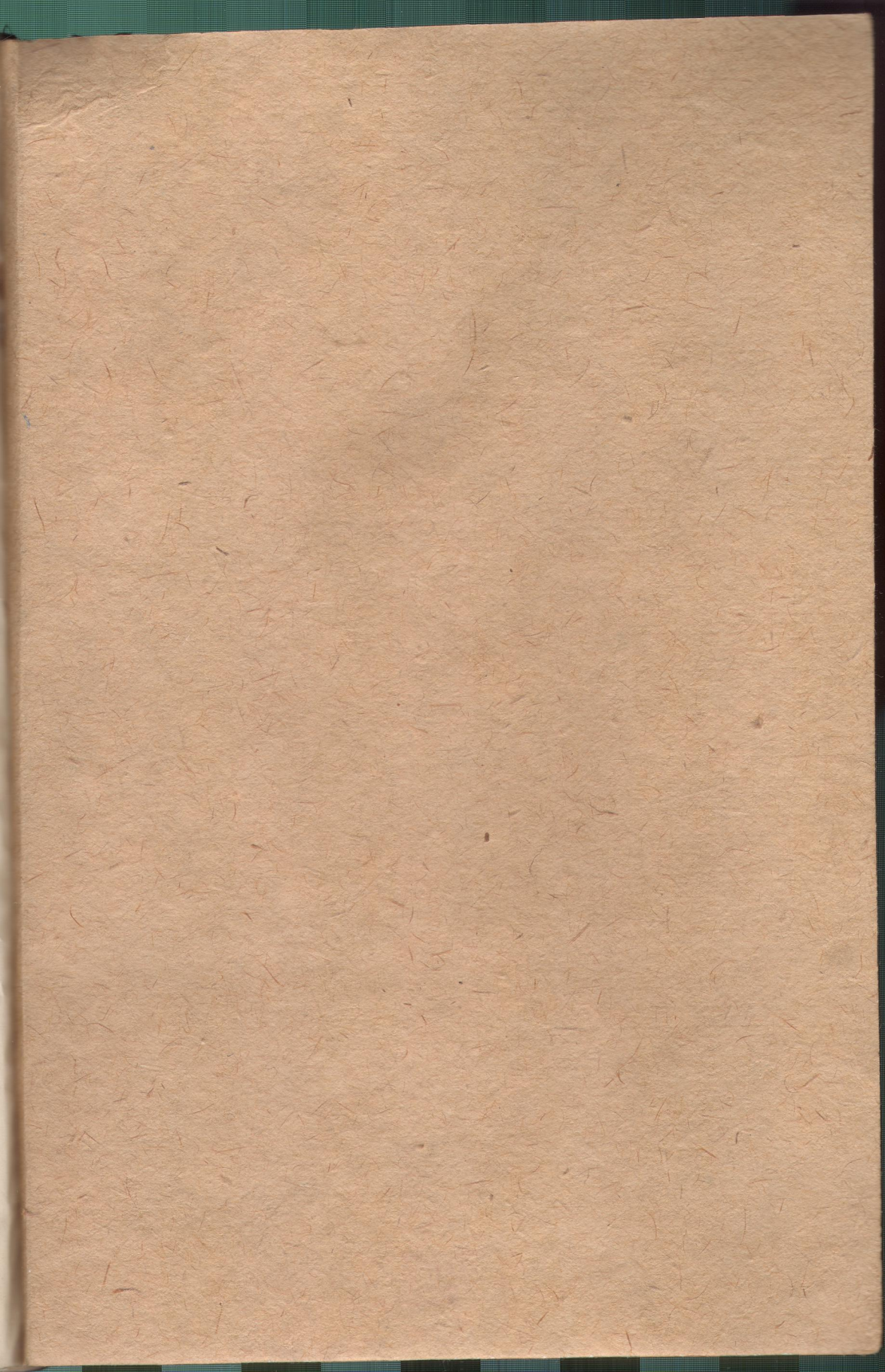
Пусть прахъ С. В. покойся далеко отъ насъ, пусть мы болѣе не будемъ слышать его бодрой, живительной рѣчи. Но мы не забудемъ его. Мы будемъ помнить того, кто умѣлъ возвышать насъ надъ прозою жизни, кто имѣлъ душу живую, кто всю жизнь стремился къ красотѣ и правдѣ.

Нѣтъ, онъ для насъ не умеръ, онъ живетъ...

„Пусть арфа сломана, аккордъ еще рыдаетъ“...

Работы В. А. Мелихова:

1) **Виргилій и его эклоги.** Харьковъ, 1912. Цѣна 15 коп.

2) **Виргилій и его „Георгики“.** Очеркъ изъ исторіи римской поэзіи. Харьковъ, 1913. Цѣна 20 коп.

3) **Взглядъ Виргилія на божественность императора.** — „Гермесъ“, 1912 г. № 20.

4) **Культь римскихъ императоровъ и его значеніе въ борьбѣ язычества съ христіанствомъ.** Харьковъ, 1912. Цѣна 30 коп.

5) **Іудеи въ римской исторіи по изслѣдованію Э. Ренана.** Харьковъ, 1912. Цѣна 15 коп.

6) **Отвѣтъ „Русской Мысли“ на ея отзывъ объ „Іудеяхъ въ римской исторіи по изслѣдованію Э. Ренана“.** Харьковъ, 1913. Цѣна 10 коп.

7) **Очеркъ воспитанія и обученія въ древнемъ Римѣ.** (Печатается).

8) **Л. Н. Загурскій, профессоръ Императорскаго Харьковскаго Университета (некрологъ).** Съ портретомъ Л. Н. Загурскаго. Харьковъ, 1912. Цѣна 15 коп.

9) **С. В. Соловьевъ, профессоръ Императорскаго Харьковскаго Университета.** Некрологъ. Съ портретомъ С. В. Соловьева. Харьковъ, 1913. Цѣна 15 коп.

Продаются (кромѣ 3 и 7) въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и друг. Выписывающіе отъ автора (Харьковъ, Престольный пер. № 3) пользуются безплатной пересылкой. За наложенный платежъ—10 коп.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00673635